

12 ФЕВ. 1944

Н. Волков На концертах Обуховой

Замечательная оперная певица Обухова и на концертной эстраде остается выдающейся представительницей русского вокального искусства.

Обухова поет романсы на слова Лермонтова и Кольцова, Дельвига и Козлова, Жаловской и Кукольника, Фета и Алексея Толстого. Она поет бытовые романсы Варламова, Яковлева, Дмитриева, классическое «Сомнение» Глинки, лирику Даргомыжского, поет вещи безымянные, поет Чайковского и Мусоргского. И все это, может быть, и разноценное по своему поэтическому и музыкальному качеству, равно согрето в пении Обуховой необычайной теплотой, проникнуто глубиной переживания, любовно вычестовано и выношено.

Безупречно фразируя каждое музыкально-словесное предложение, Обухова воскрешает силой своего низкого грудного голоса всю череду личных признаний и высказываний ушедших поколений. Была ли то нежная робость или страсть, любовь или ревность, грусть или веселость, — все это передает Обухова, как близкое и милое ее таланту художника-исполнителя. Все это является романтической повестью, исповедью другу.

И когда в ритмах старого вальса Обухова поет лермонтовские слова: «Нет, не тебя так пылко я люблю», мнится, мы присутствуем при большой человеческой драме. И невольно встает в памяти рассказ графини

Сологуб, которой Лермонтов отдал эти стихи, и рисуется окутанный печалью облик поэта.

Душевное пение Обуховой — пение глубоко русское. Так, вероятно, пела «волшебница» Наташа Ростова, так пела бесприданница Ларисса, о таком пении восторженно писал Тургенев в «Записках охотника». Профессиональное умение здесь достигает той полноты овладения материалом, когда забываешь про это умение и слушаешь пение, как не-обычную потребность души излить себя в звуках.

Национальное качество русского одухотворенного мелоса поднимается у Обуховой до трагической вершины, когда она исполняет гадание и песню Марфы из «Хованщины».

Обухова выступила 9 февраля на эстраде белостенного зала Дома актера, а казалось, что поет она то на лесной поляне, то в петербургском доме пушкинско-глинкинской поры, то в уездной светелке, то в каком-нибудь крашенном охрой московском переулочном особняке. Стоит она перед зрителем в черном концертном платье, а голос как будто сам меняет и пейзаж и одежду действующего лица. Так каждая песня, романс, ария, услышанные внутренним слухом, полны тем воздухом, той атмосферой, что залечателны и зашифрованы в значках и крючочках нотного письма. И все это дышит, переливается, летит...